

В этом году исполняется 125 лет со дня рождения великого русского поэта Марины Ивановны Цветаевой. Значительную часть своей жизни она провела в эмиграции, жила в «городе света и любви», великолепном Париже, куда мечтали и мечтают попасть миллионы людей со всего мира. Поэт «русского Серебряного века» оказался в европейском городе «золотой поры». Не парадокс ли? Марина Цветаева тосковала: слишком непохожие два «металла» – серебро и золото попытались слить в один слиток. Русский менталитет не понятен европейскому сознанию, мы смотрим на «роскошества» западной жизни и вспоминаем свою землю, пусть грязную и неопрятную, но, главное, родную. Русский человек – он другой, и если «китайцы и скандинавы, испанцы и греки, бразильцы и канадцы – никто не чувствовал себя чужаком на берегах Сены»², то русский ощущал всеми фибрами своей души всю отчуждённость, находясь за пределами России. А жизнь в эмиграции – это, всё-таки, не добровольный переезд.

*Что скудным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
«Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горюшь?»*

² Стефан Цвейг «Вчерашний день» в пер. Г. Кагана, Т. 9, – М.: Библио-осфера, 1997. – С. 117

Такие строки написала Марина в 1931 году, в России на который пришёлся пик раскулачивания и массовых репрессий. За шесть лет проживания в Париже и его пригородах, «город света» ей так опостылел.

Я смотрю на Париж, он уже давно не такой, как во времена Марины Ивановны, да и понятно, такие города не стоят на месте, они меняются, здесь «дыхание старины» ощущается только в архитектуре османовской эпохи. Но здесь чтят память о русских поэтах, которые оставили свой след во французской культуре, и хотя бы раз в год, в дни культурного наследия, проводят мероприятия в местах, связанных с их жизнью и творчеством. Так и я в один из таких дней отправилась в Мёдон, небольшой городок, между Версалем и Парижем, где жила и писала Марина Цветаева в начале XX века.

Встретил меня Мёдон теплым осенним солнцем и цветущими геранями. Не Париж, но ближайший пригород всегда привлекал русскую эмиграцию, потому что, как сейчас, так и тогда, жильё в столице слишком дорогое. Жить в пригороде прекрасно, и воздух свежее, и дышится легче. Только вот всё происходит в Париже, там жизнь кипит, а в пригородах она просто вяло течёт. И французский период жизни Цветаевой пришёлся именно на пригороды, где она себя чувствовала ещё более одиноко, хотя мёдонцы сейчас очень гордятся тем, что именно у них в городке жила Марина Ивановна. Около решётчатого забора стоит небольшая памятная табличка с её портретом. Дом за забором и кустами роз выглядит шикарно: каменная кладка, большая красная входная дверь за белым крыльцом. Но, оказывается, это вовсе не тот дом, где жила Цветаева. Её домик находится по правую сторону от видного особняка: ничем не примечательная дверь в серой стене и нет никакого обозначения, что именно в этих стенах так долго прожила Марина. Сейчас в её квартире живут совсем другие люди и можно только догадываться, как был устроен быт поэта. Наверное, в её доме всё напоминало о России, такой любимой, а ныне такой «невозможной». Человек, живущий за границей, по-другому воспринимает русский

М. Цветаева с сыном. Мёдон.
1928 г.

быт, он более трепетно относится к иконам, бережно спрятанным и увезённым от «палачей революции», для него матрёшки становятся незыблемым символом Родины. У каждого эмигранта в доме есть матрёшка или самовар.

Кажется, что этот мёдонский дом мог стать идеальным местом для поэта: тишина и уют, рядом нетронутые леса, рядом Париж со своим бесконечным праздником, рядом Версаль со своими ухоженными умиротворяющими парками. Однако в письме своему другу Николаю Гронскому Цветаева писала, «что дико устала от Мёдона и хозяйства, хозяйства и Мёдона и что ни хозяйство, ни Мёдон, ни усталость не пройдут»:

Погребённая заживо под лавиною
Дней — как каторгу избываю жизнь.

В своём мёдонском доме написала Цветаева это стихотворение, которое вошло в её последний прижизненный сборник «После России», выпущенный в 1928 году, куда также вошли 160 стихотворений, созданных в период эмиграции.

Я смотрела на дом Марины Цветаевой в Мёдоне, как скучала эта женщина по Родине, каждое её стихотворение пронизано такой тоской и безысходностью. Во Франции её творчество не ценили, а ценили ли его в России, раз ей пришлось бежать? Уныние, уныние, уныние... Смертный грех, а не «милый».

Как и тогда, русские приезжают во Францию. Мы пытаемся привыкнуть к их укладу, к бюрократическим очередям и женщинам в хиджабах, но, одновременно, мы приезжаем сюда за поиском чего-то лучшего. А уготовано ли для нас что-то лучшее на чужбине? Мы ищем здесь русскую душу, которой можно излить свою боль или поделиться радостью. Но, не найдя её, мы впадаем в уныние... мы страдаем от одиночества, которое разъедает изнутри. Всё зарубежное творчество Цветаевой пронизано этим унынием, она не обрела дома на чужбине, и это неприметное серое здание в Мёдоне для неё так и осталось чем-то далёким и холодным.

Французы знают и любят русскую литературу. Но они не поймут её никогда, ведь только русская душа поймёт другую русскую душу.

Мёдон встретил меня тепло, возможно, также тепло он встретил почти век назад и Марину Цветаеву и, возможно, здесь также цвели герани. Но эта французская жизнь завела поэта в тупик, из которого она увидела единственный выход.

Париж, 2017 г.